

Елена Чумакова

Асины
жүрәвли

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-90

Редактор серии *П. Корицкая*

Оформление серии *Ю. Щербакова*

Чумакова, Елена Геннадьевна.
Ч-90 Асины журавли : роман / Елена Чумакова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-226003-2

На изломе эпох, под грохот революций и свист пуль, разворачивается трагическая сага о жизни деревенской девочки с ангельским голосом. Водоворот исторических событий вновь и вновь ломает крылья, швыряя от стен монастыря к арене цирка, от фронтового эшелона — в силки советской разведки. Семейная драма, роковые страсти, порочные связи... Это история о неутомимой погоне за счастьем, о великом таланте и великой трагедии женщины, чья песня была гимном потерянной России.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226003-2

© **Чумакова Е., текст, 2026**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026**

ГЛАВА 1

УБИЙСТВО В СЛОБОДЕ

— А-а-а, ты заступила! Я видел! Нечестно!

— И ничего я не заступила! Не ори.

Июльское солнце устало ползло к горизонту, все еще добросовестно припекая утоптанное гумно перед раскрытым амбаром, а также выгоревшие русые затылки трех пацанов, две черноволосые девичьи головы и расставленные змейкой крашенные бабки.

— Вот, Аська, твой след, за чертой! — тыкал пальцем босой ноги в пыль самый высокий из пацанов. — Этот кон не считается.

— Это след не считается, Маркеха, а кон считается. Я кидала отсюда, из-за черты. — Старшая из девочек, Ася, перекинула косу через плечо, уперлась кулачками в бока, вовсе не собираясь отступить. Игра грозила перерасти в потасовку. Тем временем, пока старшие спорили, младшая девочка, Вера, проворно собирала сбитые бабки в карманы.

С Волги донесся низкий гудок буксира, тянущего за собой груженую баржу, а вслед за ним со стороны слободской улицы раздался истошный женский вопль:

— А-а-а-а, уби... убили! Караул! Люди... лю-ди до... добрые, помогите! А-а-а...

Дети тут же забыли о назревающей ссоре, переглянулись:

— Кажись, вашей бабки Матрены голос, — неуверенно сказал Маркел. — Кого это убили?

Они не сговариваясь помчались в сторону улицы, перемахнули через плетень, пробежали по чужому огороду, оставляя на грядках следы босых ног, под запыленный лай цепной собаки перелезли через забор и оказались на главной улице Яковлевской слободы.

Женщины, собиравшиеся в этот час посудачить у колодца, побросали ведра, окружили бабу Матрену, простоволосую, с безумными глазами, в забрызганной кровью рубашке. К груди она прижимала заходящегося в крике годовалого мальчонку, тоже перепачканного кровью. Кто-то подхватил оседающую на землю Матрену, другая высвободила ребенка из ее рук.

— Манечку... Манечку мою... ирод заруби-и-ил, — выла бабка.

— Мама! — выдохнула Ася и побежала вдоль улицы к своей избе. Младшая из сестер, Вера, еще не осознав толком, что произошло, понеслась следом. Кто-то из соседей перехватил у ворот перепуганных девчонок, не пустил во двор. Одна из баб, обняв обеих сразу, как курица цыплят, уговорила, увела детей к себе в избу.

Послали верхового за урядником. Мужики, похватав кто кнут, кто вожжи, кто дубинку — что под руку подвернулось, — гурьбой направились к дому Севастьяновых.

Вскоре на место происшествия прибыла бричка, из которой вылезли урядник и двое штатских. Один из них был вооружен громоздкой фотографической камерой и треногой, второй держал в руке потрепанный портфель. Следом во двор въехала телега, с нее спрыгнули три стражника и скрылись в избе. Столпившиеся у забора слободчане притихли, когда из двери вывели связанного Трофима, зятя бабки Матрены и мужа убитой Марии.

Трофим был мужиком видным: рослый, плечистый, с волнистым чубом густых темных волос.

В свое время многие слободские девки заглядывались на отставного военного, завидовали Марусе, отхватившей такого жениха. Впрочем, Маруся тоже была невестой не из последних — черноокая певунья, статная, с косой до пояса, к тому же работающая. Пара получилась хоть куда! И жили поначалу ладно. Трофим слыл хорошим хозяином и денежку зарабатывать умел: у работающего печника заказчики в очередь вставали.

Одна беда — от водки дурнел. А запои случались все чаще, и пил он, пока не кончались в доме все деньги. Очулавшись от запоя, Трофим с удвоенным рвением брался за работу, быстро восстанавливая пропитое. Маруся приоровилась к такой жизни, знала, когда сказать, когда смолчать, а когда лучше вовсе на глаза мужу не попадаться.

Жили Севастьяновы не хуже других, потому случившаяся трагедия у всех в слободе вызвала недоумение.

Придерживаемый с двух сторон стражниками, Трофим обвел столпившихся у плетня слобожан пьяно-бессмысленным взглядом, беззлобно ухмыльнулся.

— Эй, сосед! За что ты жену-то?.. — крикнули из толпы.

— А не будет вдругорядь деньги от меня прятать. Мои деньги — хочу и пропью! Не трожь!

— Да уж, теперь точно не будет. Да и сами деньги вряд ли когда-нибудь тебе понадобятся. На кой они на каторге? — подытожил урядник, подсаживая преступника в бричку.

Из избы вынесли носилки, укрытые рогожей, и погрузили в телегу. Повозка тронулась, качнулась в воротах. Край рогожи сполз, приоткрыв женскую руку с бирюзовым колечком и перепачканный бурой кровью подол домотканой юбки.

— Марусечка-а-а! Сестричка-а-а моя, — заголосила одна из баб. Пробившись сквозь толпу, она уцепилась за задок телеги и бежала за ней, пока не упала, споткнувшись.

А на дворе Севастьяновых отливали водой Варю, старшую дочь Маруси и Трофима. Она ходила с девушками по грибы и вернулась домой перед самой развязкой трагедии.

Через несколько дней в яковлевской Благовещенской церкви отпели невинно убиенную рабу Божию Марию.

— Это я ведь виноватая, мой грех, — каялась Матрена. — Я те деньги треклятые спрятала от ирода. Пожалела, что опять все пропьет. А детям к осени обувь сделать надобно, да мало ли по хозяйству что... Думала, не заметит спяну, а проспится — положу на место. Марусечка и не знала ничего. Она Ванятку кормила, не увидела со спины-то, что этот душегуб на нее с топором... Ни убежать, ни увернуться не успела. А я увидела, закричала, да поздно, только и успела малого выхватить. Да кабы знать наперед... Пропади они пропадом, те деньги!

Вернувшись после похорон с кладбища, семья, точнее то, что от нее осталось, собралась в доме Евдокии, младшей дочери Матрены. Изба Севастьяновых пока стояла опечатанной следователем. Тем же вечером, после поминок, держали семейный совет.

— Мне, старухе, одной четверых не поднять, — сетовала бабка Матрена. — Одну Варвару могу оставить. Девке пятнадцать годочков, уже и сама помощница. Где я ей подмогну, где она мне, так и проживем, Бог даст. Утешение на старости лет. И на Марусечку Варя больше других похожа. Аська с Веркой уж больно Трофима напоминают. Как взгляну, так сердце заходится. И бе-

довая Аська, как отец, а Верка ровно хвостик ее: куда одна, туда и другая. Мне с ними двумя и не справиться — отобьются девки от рук. А Ванятку ты, Евдокия, уж оставь себе, мал он для приюта.

— Да у меня своих две девки, — с сомнением покачала головой Евдокия, — и, похоже, третьего понесла.

— И что? Где трое, там и четверо. Вы с мужем молодые, здоровые, выдюжите. Ванятка-то у нас один парнишка, долгожданный, вымоленный. Как его в чужие руки отдать? А ну как снова девку родишь? А тут готовый помощник твоему мужику. А и мальчонку родишь, так будет товарищ вашему-то. Родная ведь кровь. Два мужичка в семье расти будут, плохо, что ли?

Евдокия смотрела на племянника, уснувшего у нее на коленях, оглянулась на мужа. Петр, до этого момента молча сидевший в сторонке, встал, забрал с колен жены мальчика, оглянулся на тещу:

— Что ж, раз такое дело, вырастим как своего, не сумлевайтесь, мама. Не чужой, чать.

Бабка Матрена перекрестилась, вздохнула с облегчением. Затем все взгляды переместились на притихших в уголке Анастасию и Веру.

— А с этими что делать? — вздохнула Матрена. — Их куда пристроить?

— Ну, знамо куда... в город, в приют, куда еще. — Тон Евдокии был безнадежно жалостливым.

— Не надо нас в приют, — неожиданно подавала голос Ася, — отдайте лучше в монастырь. Помните, на Пасху ездили в монастырский храм? Там девочки- послушницы пели ровно ангелы. Вот и мы так хотим научиться, правда ведь, Верка?

Для тихони-сестры это заявление было полной неожиданностью, но, привыкнув во всем полагаться на бойкую и сообразительную Асю, она закивала:

— Да, в монастырь. Да, хочу петь.

Взрослые переглянулись.

— А ведь она дело говорит, — поддержала племянницу Евдокия. — Аська-то и впрямь певунья, в мать уродилась. Недаром ее девки на посиделки зовут, чтобы запевками своими их развлекала. Да и Верка поет — ровно реченька течет. В монастыре воспитание строгое, плохому не научат. А грамоте обучат, всякой домашней работе, мастерству какому-нито. И завсегда дети сыты, одеты, обуты. Крыша над головой... У нас и душа за них спокойна будет, и совесть перед Марусей чиста. Взяли бы только девок наших.

На девятый день поминки отмечали в своей избе, отмытой колодезной водой пополам со слезами, отскобленной ножом, окропленной святой водой приходским священником. А вскоре Матрену вызвали в город, к следователю. Вернулась она из города сама не своя и вместо того, чтобы идти домой, напрямик направилась к младшей дочери. Евдокия как раз Ванятку кормила. Увидев мать, всполошилась:

— Матушка, что с тобой? На тебе лица нет, бледная, как вон печка беленая. Что следователь-то сказал?

— Ох, Евдокиюшка, какие вести-то дурные я привезла. Трофим-то еще один тяжкий грех на душу взял: себя порешил. Повесился прямо в камере.

— Как повесился?.. Веревку-то где взял?

— Сказали, от подола рубахи полоски материи оторвал да на решетке оконной и повесился. Утром стражники нашли уже холодного.

— Видать, протрезвел, осознал, что содеял, совесть и не выдержала.

— Или понял, что каторга его ждет, а там, я чай, несладко. И кабаков там нет, — включился в разговор Петр.

— А все водка проклятущая! Сколь мужиков сгубила. Говорю тебе, не пей, не заглядывай в кабаки, — накинулась Евдокия на мужа.

— Да я что? Я ж меру знаю. Так, маленько, для веселья. Пьяным не прихожу, деньги не пропиваю, как Трофим.

Петр уж и не рад был, что вмешался в разговор, замолчал и вернулся к своему занятию — починке бредня.

— Так все с «маленько» и начинается. Трофим тоже, поди, не сразу опойкой стал, — не унималась Евдокия. — Только попробуй явись пьяным! Ухват-то вон, под рукой.

— Меня на опознание водили, — вновь подала голос Матрена, — чтоб, значит, подтвердила, что он это, Трофим.

— И как?

— Страшны-ы-ый... Так теперь и стоит перед глазами. Ночью, поди, не усну.

— А ведь какой парень видный был! Все пропилил и красоту свою, и мозги, и семью, да и жизнь свою.

— Девкам-то нашим как сказать про такое, ума не приложу, круглыми сиротами остались, — сокрушалась Матрена. — Может, не говорить пока ничего?

— Нет, сказать надо, они уж не маленькие. Просто сказать, что отец помер в тюрьме, без подробностей. Чтоб знали и не ждали его, — посоветовала Евдокия.

В начале сентября, после сороковин, девочек разбудили с первыми петухами, одели в праздничную одежду, посадили в телегу и повезли в город.

Солнце еще не встало над лесом. Темные ели стеной стояли по обе стороны дороги. От речки Урочь тянуло сыростью. Над ней стелился плотный, как овсяный кисель, туман. Ключья тумана щупальцами тянулись к дороге. Сестры продрогли, прижались друг к другу, как ко-

тята. Евдокия укрыла их кофтой. Она тоже отправилась на богомолье вместе с матерью и племянницами, оставив малышей под присмотром Вари. Выехали на прямой широкий тракт, и молодая кобылка Петра пошла ровной рысцой. Евдокия с Матреной о чем-то негромко переговаривались. Вера под их голоса и скрип колес уснула, прильнув к плечу сестры, а Ася смотрела на дорогу и вспоминала, как совсем недавно, на Пасху, они вот так же, всей семьей, ехали на богомолье в город, в собор Казанской иконы Божией Матери. На месте Евдокии тогда сидела мама с Ваняткой на руках, а лошадью правил отец, трезвый, веселый. Иногда он оглядывался, окидывал довольным взглядом детей, жену, подмигивал своей любимице Асе, беззлобно отвечал на ворчание Матрены. В лесу щебетали проснувшиеся птицы. Это был такой счастливый весенний день! И разве можно было представить, какая беда вскоре их ждет? Нет, она, Ася, замуж не пойдет никогда. Даже за Маркела. Уж лучше в монастырь.

Размышления девочки прервало хлопанье крыльев и тревожное курлыканье журавлей. Над макушками елей, совсем близко, взмыла в рассветное небо стая, с шумом пронеслась над головами встрепенувшихся путников.

— Ишь ты, красавцы какие. — Петр запрокинул голову, проводил птиц взглядом. — С Ляпинских болот снялись, поди. На море, в теплые края, полетели... Вот бы и человек так мог лететь куда захочет. От худой жизни...

Ася представила, как она, расправив руки-крылья, взлетает над лесом, над Волгой и летит над всей большой страной в неведомые края, где всегда тепло и все счастливы...

Вскоре выехали из леса к Волге. Там уже было довольно многолюдно. Рыбаки выгружали улов, торгов-

цы отправлялись в город, к пристани стекался народ из окрестных слобод: кому в город, кто из города. Перевозчики без дела не скучали. Петр сторговался с одним из них, усадил баб в лодку, сам остался с лошадьёю и телегой на берегу дожидаться их возвращения. Лодочник, молодой, широкоплечий, греб ловко, сильными размашистыми движениями. Весла входили в воду ребром, почти без брызг. Ася опустила руку в прохладную воду, наблюдая, как струи мелкими бурунчиками обтекают кожу. В глубине скользнула тенью большая рыбина. Там, под толщей воды, был свой мир, и Асю от этого таинственного, незнакомого мира отделяло только тонкое днище лодки. Ей стало не по себе, она отдернула руку, отвела взгляд от глубины.

Солнце поднялось над темной щеткой елового леса, и сразу вода заиграла искорками, все вокруг оживилось. Впереди — над отмелью — возвышался крутой волжский берег. В позолоченной листве деревьев на набережной белели беседки, еще выше сияли купола многочисленных храмов и церквей. Над городом и рекой поплыл колокольный перезвон, созывающий прихожан на воскресное богослужение. Солировали в этом хоре колокола на высокой звоннице Спасо-Преображенского монастыря. Красиво — заслушаешься!

Выбравшись на берег, путницы поднялись по крутой деревянной лестнице на волжскую набережную. С утра здесь было немногочисленно, время гуляющей праздной публики еще не пришло. Дальше женщины пошли пешком по мощеным просторным улицам, сплошь утыканным телеграфными и фонарными столбами. Девочки во все глаза смотрели на затейливые фасады каменных домов, плотно прижавшихся друг к другу, на многочисленные вывески: лавки, конторы, трактиры, банки, присутственные места. Засмотрелись на двух гимназисток

в замысловатых шляпках: горожане и одевались-то совсем иначе, чем слободской народ. На перекрестке увидели чудо — по рельсам сам собой, без лошади, катился огромный экипаж, наполненный людьми. Остановился, часть пассажиров вышла, остальные поехали дальше.

— Чё глазееете? Трамвая не видали? Технический прогресс, понимать надо! Это вам не деревня. Деревенщина-щина, на болоте крещена, в лесу выращена, — поддразнил девочек пацан с охапкой газет.

— Сам ты деревенщина! Слободские мы, — обиделась было Ася, но пацан уже не обращал на них внимания, предлагая газеты прохожим.

Путники миновали круглую, мощенную мелким булыжником Ильинскую площадь с изящной церковью Ильи-пророка в центре. Дальше по Угличской вышли к кремлевской стене и Власьевской башне. По другую сторону просторной площади увидели нарядное здание театра, а за ним справа купола Казанского женского монастыря. Он и был целью их небольшого путешествия.

ГЛАВА 2

МОНАСТЫРЬ

Мощенная кирпичом дорожка вела к портику белоснежного пятиглавого собора. Вдоль дорожки цвели розы — алые, желтые, белые, пурпурные.

— Как в райском саду, — восхитилась Верочка.

Остро пахло свежескошенной травой. С четырехъярусной колокольни собора плыл благовест, возвещавший о начале богослужения.

В храме было многолюдно. Голос священника, нарастав читающего молебен, устремлялся вверх и возвращался легким эхом. Девочки Ася и Вера пытались вслушиваться в малопонятные слова, повторять «Господи помилуй» со всеми вместе, но быстро устали. Они рассматривали роскошное убранство храма, белые, устремленные ввысь под расписной купол колонны, сияющие в блеске свечей золоченые оклады икон, лики святых. Асе казалось, что те взирают на нее укоризненно. Она одергивала себя и снова старательно крестилась, бормотала за дьяконом и священником лишь отчасти понятные слова литургии.

С клироса молящимся вторил хор детских и женских голосов. Вот запели тропарь, словно это сами белокрылые ангелы поют под куполом храма. Ася и Верочка на несколько минуточек забыли об усталости, о голоде, о волнении, детские сердца наполнились благоговением. Одно песнопение сменялось другим. Вскоре и это уто-

мило сестер. Наконец Царские врата закрылись, хор в последний раз пропел «Многая лета», служба закончилась. Прихожане потянулись за причастием и благословением, Севастьяновы тоже встали в очередь.

Из клироса вышли девочки-хористки, все в длинных черных юбках и белых блузах, головы покрыты тонкими батистовыми платками, отороченными узким кружевом. Послушниц вела за собой монахиня в черной рясе. Матрена, схватив внучек за руки, устремилась к ней.

— Матушка, будьте милостивы. Вот сестры-сиротки, возьмите их в монастырский хор. Они обе певуньи, остались без отца, без матери. Не дайте пропасть детским душам.

— Но я только регентша... Это надо к матушке игуменье обращаться. Подождите в храме, я отведу послушниц в трапезную, узнаю, может ли матушка Феофания вас принять, и приду за вами.

Последовало томительное ожидание в тишине почти опустевшего после окончания службы храма. Лишь несколько прихожан задержались возле икон. Густо пахло ладаном, у Аси от этого запаха разболелась голова. Бесшумной тенью двигалась монахиня, собирающая огарки свечей и протирающая растаявший воск с паникадил. Молодая женщина в темной одежде и черном платке усердно клала поклоны, стоя на коленях перед ликом Богородицы. Столько горя было в ее согнутой фигуре, что девочкам стало не по себе: захотелось скорей на волю, к солнцу, к цветущим розовым кустам, к мирному воркованию голубей. Но это было нельзя, останавливал строгий взгляд тетки Евдокии, и девочки лишь тоскиво переминались с ноги на ногу.

Наконец регентша вернулась за ними и проводила в соседнее здание, в просторную келью настоятельницы. Цветные стеклышки в узких оконных рамах отбрасыва-

ли разноцветные зайчики на беленые стены и сводчатый потолок. Да и сама матушка Феофания смотрела на вошедших приветливо. Девочки повеселели, Ася ободряюще улынулась сестренке, дважды тихонько пожала ее руку, что по уговору означало «я с тобой».

Настоятельница, выслушав просьбу Матрены, задумалась.

— Певуньи, говорите... Тебя как зовут? — повернулась она к старшей из сестер. — Анастасия? Ну-ка спой нам свою любимую песню.

Асю уговаривать не надо. Она сложила руки на груди, повела плечиками и завела сначала тихонько:

Ой, ты береза, ты моя береза,
Раскудрявая моя береза.
Ой, да мы березу заломили,
Милку пьяну напоили.

Певунья разошлась, голосок полился уверенно, задиристо:

На речке была, беломылася,
Сердечко мое простудилось...

Настоятельница с регентшей переглянулись, лица озарили удивленные улыбки. А Ася разошлась, распелась пританцовывая. Голос лился свободно, звонко. Уж что-что, а петь она любила и умела, знала, что людям нравится, как она поет:

Ой, ты, береза, не качайся,
Ко мне миленький не шляйся.
Ой, со березы лист спадает,
По мне миленький страдает¹.

¹ Народные запевки Ярославщины.